



**ЖЕНЩИНЫ  
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС  
ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА  
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ  
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:  
ИСТОРИКО-  
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ\***

**WOMEN AS A RESOURCE  
OF THE SOCIAL CONTRACT  
DURING THE GREAT RUSSIAN  
REVOLUTION: HISTORICAL  
AND SOCIOLOGICAL  
ANALYSIS\*\***

**М. Ю. Милованова\***  
ORCID: 0000-0002-5453-5954

**Marina Yu. Milovanova\***

\* Финансовый университет при  
Правительстве Российской Федерации,  
Москва, Россия

\* Russian State University  
for the Humanities,  
Moscow, Russia

**Цель исследования** – репрезентация женщин как социального ресурса общественного договора в период Великой российской революции и становления советского гендерного контракта.

**Objective of the research** – the representation of women as a social resource of the social contract during the Great Russian Revolution and the formation of the Soviet gender contract.

**Методы исследования.** Историко-социологический анализ социального включения женщин как социального ресурса в процесс установления нового общественного договора в период Великой российской революции проведен с применением научных идей социологии жизни, «культурной травмы», ресурсного подхода, гендерной социологии, с привлечением статистических данных, историй жизни и их интерпретации.

**The methodological basis of the research.** The historical and sociological analysis of the social inclusion of women as a social resource in the process of establishing a new social contract during the Great Russian Revolution was carried out using scientific ideas of the sociology of life, the “society of trauma”, the resource approach, gender sociology, involving statistical data, life stories and their interpretation.

\* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» (№ проекта 23-18-00093).

\*\* The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project “The Fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and the lessons of implementation” (project no. 23-18-00093).

**Результаты исследования.** Женщины представлены как одна из более крупных гендерных общностей в силу произошедшей деформации возрастно-половой структуры до степени резкой гендерной асимметрии по причине безвозвратной убыли мужской части населения из-за массовой гибели на войне и революционных событий и как следствие перераспределения ресурсов социальной нагрузки. В условиях кардинальных изменений, нарастания неопределенности, хаоса закономерно действие основного внутреннего побудителя человека – потребность «выжить» и запуск адаптационных механизмов приспособления к новому социальному порядку. Открывшееся «окно возможностей» нового общественного договора в первые годы Советской власти происходило на фоне нивелирования традиционной системы разделения труда, социального включения женщин как трудового ресурса, роста занятости женщин вне поля частного, равноправного доступа женщин к образованию и высокой динамики женской грамотности. Определены важные составляющие общественного договора по траектории категорий «государство» – «женщины» как большинство «народа» и часть «общества» (вертикальное взаимодействие): классовый характер рабоче-крестьянского государства с включением большинства в социально-экономические преобразования и выбор альтернативы для меньшинства; инкорпорация политической декларации равноправия полов в решениях властных органов и социальную политику, практическая реализация советского проекта эмансипации переподчинения женщин как социального ресурса государству, их готовность стать «классом трудящихся», податливость идеологическому воздействию ценностной ориентации формирования «нового человека», «новой женщины», высоких жизненных смыслов в устремлениях людей – работать для и ради будущего, не оставаться на обочине исторических перемен, предпочесть быть частью коллективных преобразований, ставить об-

**Results of the study.** Women are represented as one of the larger gender communities due to the deformation of the age-sex structure to the degree of sharp gender asymmetry due to the irretrievable loss of the male part of the population due to mass deaths in the war and revolutionary events and as a result of the redistribution of social burden resources. In conditions of cardinal changes, increasing uncertainty, chaos, the action of the main internal motivator of a person is natural – the need to «survive» and the launch of adaptive mechanisms, adaptation to the new social order. The opening of the «window of opportunity» of the new social contract in the early years of Soviet power took place against the background of the leveling of the traditional system of division of labor, the social inclusion of women as a labor resource, the growth of women's employment outside the field of private, equal access of women to education and the high dynamics of female literacy. The important components of the social contract along the trajectory of the categories «state» – «women» as the majority of the «people» and part of the «society» (vertical interaction) are identified: the class character of the workers' and peasants' state with the inclusion of the majority in socio-economic transformations and the choice of an alternative for the minority; the incorporation of the political declaration of gender equality in the decisions of government bodies and social policy, the practical implementation of the Soviet project of emancipation of women's subordination as a social resource to the state, their willingness to become a «working class», compliance with the ideological impact of the value orientation of the formation of a «new man», «new woman», high life meanings in people's aspirations – to work for and for of the future, not to remain on the sidelines of historical changes, to prefer to be part of collective transformations, to put public interests above personal ones. The social contract along the trajectory of the categories «people» – women as part of «society» (horizontal interaction) had the character of revolutionary experiments, the

пественные интересы выше личных. Общественный договор по траектории категорий «народ» – женщины как часть «общества» (горизонтальное взаимодействие) имел характер революционных экспериментов, трансформации традиционных гендерных отношений в сторону новаторства. Гендерные парадоксы состояли в сосуществовании противоречий между полученными политическими правами и реальными ограничениями возможностей действия; полученной свободой нравов и глубинными культурными связями патриархально-традиционного общества; в курсе властей на разрушение традиционных институтов семьи и брака и целенаправленной социальной политики по защите материнства и детства; идейной постановке вопроса о формировании «нового человека», «новой женщины», но не «нового мужчины».

**Перспективы исследования** связаны с применением социального измерения общественного договора (ОД) для историко-социологической реконструкции роли и участия женщин в органах власти, в деятельности общественных объединений, отражения интересов женщин в многоголосье программ политических партий в период Великой российской революции, консервативного поворота от революционных экспериментов в условиях обострения демографической ситуации к советскому гендерному контракту двойной нагрузки «женщины-труженицы, женщины-матери» и его воспроизводства как основного в современной национальной модели гендерного равноправия.

**Ключевые слова:** общественный договор, государство, социальная политика, женщины, интересы, потребности, гендерное равноправие, революция, возможности, шансы, адаптация, гендерный контракт

transformation of traditional gender relations towards innovation. The gender paradoxes consisted in the coexistence of contradictions between the acquired political rights and the real limitations of the possibilities of action; the acquired freedom of morals and the deep cultural ties of the patriarchal-traditional society; the authorities are aware of the destruction of traditional institutions of family and marriage and a purposeful social policy to protect motherhood and childhood; the ideological formulation of the question of the formation of a «new man», a «new woman», but not a «new man».

**Research perspectives** are related to the application of the social dimension of the social contract for the historical and sociological reconstruction of the role and participation of women in government bodies, in the activities of public associations, the reflection of women's interests in the polyphony of programs of political parties during the Great Russian Revolution, a conservative turn from revolutionary experiments in the context of an aggravation of the demographic situation to the Soviet gender contract of double burden «women-workers, women-mothers» and its reproduction as the main one in the modern national model of gender equality.

**Keywords:** social contract, state, social policy, women, interests, needs, gender equality, revolution, opportunities, chances, adaptation, gender contract

## Введение

Новые методологические подходы востребованы для познания социальной реальности в конкретно-исторических исследованиях гендерной направленности. Связано это с причиной, которую метко обозначила Джоан Уоллак Скотт<sup>1</sup>: «Изучение гендера не только проясняет историю женщин, но и всю историю», такую историю, в которой социальный статус женщины уничижительно охарактеризован «наиболее рождающий – наименее творящий» (Бердяев, 1989. С. 416). Для философского обоснования и восстановления справедливости о сути роли женщины как социального ресурса применим один из важнейших методологических и эвристических принципов науки – принцип дополнительности (комплементарности) Бора – «*Contraria sunt complementa*» (в пер. с лат. «противоположности дополняют друг друга»). Понятие «дополнительности» Н. Бор вводит в 1927 году для понимания парных категорий в квантовой физике и описания реально происходящего, когда необходимы оба образа, парная диспозиция. Экспериментальной наукой подтверждено, что лишь динамическое чередование позволяет фиксировать содержание и оценку состояния не только природных, но и социальных и психических процессов. Современная социология проблему исключенности, «невидимости» женщин, как одной из двух самых крупных гендерных общностей, обозначает в рамках «гендерной системы, сконструированной как систему неравенства по полу»<sup>2</sup>. В отечественной истории женщина как объект и субъект исторических процессов стала исследоваться прежде всего через повседневность, например, в научной школе «ее истории» (женской истории) (Пушкарева, 1994; Юкина, 2003, Пушкарёва, 2012). В качестве нового методологического подхода исследования социального включения (в противовес исключению) женщин предлагается социальное измерение общественного договора (ОД). Историко-социологический анализ посвящен периоду Великой российской революции, когда трансформация произошла во всей системе отношений, включая гендерные.

Под ОД в широком смысле слова понимается «возможность социального контракта и компромисса между основными субъектами исторического процесса – государством, обществом и народом» (Тощенко, 2023. С. 3). Наиболее продуктивным для социологического анализа представляется подход, во-первых, когда категории «государство», «общество», «народ» рассматриваются не абстрактно, а через артикуляцию интересов и потребностей определенных и конкретных социальных общностей и групп в составе «общества» и «наро-

---

<sup>1</sup> Джоан Уоллак Скотт, род. в 1941 г. – почётный профессор Школы социальных наук в Институте перспективных исследований в Принстоне (США), автор работы «Гендер: полезная категория исторического анализа».

<sup>2</sup> Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – С. 309.

да», для нас гендерных общностей парной диспозиции – женщин и мужчин. Во-вторых, когда интересы и потребности гендерных общностей реализуются в социальной политике, атрибутируемой как производное от социального государства. Существующее неравенство по полу, как одна из форм социального неравенства, было поставлено в повестку социальных революционных преобразований XX века как «женский вопрос» и будет рассмотрено в контексте «женщины как социальный ресурс», но в гендерном контексте. Важно подчеркнуть, что гендерные отношения и гендерная идентичность наиболее устойчивые, имеют глубинную био-психосоциальную причинность и, вероятно, гендерная реконструкция имела (имеет) своей движущей силой революцию не столько политическую, сколько в широком смысле социально-технологическую.

### **Методы (Теоретические основы) и эмпирическая база**

Общественный договор как институциональный процесс подчинен логике исторического развития ключевого субъекта – государства. Само государство является одной из исторических форм, которую общество принимает на этапе общественного договора (ОД). Цивилизационные изменения государства из принудительно-репрессивной машины в более демократическую и гуманную форму организацию власти происходило под влиянием общественных сил и с закреплением принципа верховенства права. Традиционная средневековая теория единого общества-государства во второй половине XVIII в. сменяется идеей гражданского правового общества и правового государства (в XVII–XVIII вв. Дж. Локк, А. Фергюсон, И. Кант, Т. Пайн, в XIX в. – Дж. С. Милля, Г. Гегеля (Милованова, 2023. С. 24)). Рубеж XIX–XX веков становится этапом «Social contract» или социального государства с широкими возможностями социальной политики, когда власть функционально была способна брать на себя заботу о гражданах, а граждане закономерно становятся заинтересованными в пользе и устойчивости государства. Особенностью России стала многовековая традиция авторитарного самодержавного режима, не дававшая возможностей развитию прав и свобод человека, реализации гражданства. В России слабость и неразвитость института прав человека относилась как к мужчинам, так и к женщинам. Но к женщинам особенно, в силу их политического бесправия, ограничения жизненного мира кругом приватного, исключения их из публичной сферы, фактической субъектной невидимости.

Теоретической основой нашего исследования выступает социология жизни (Хабермас, 2000, Тощенко, 2016), научные идеи культурной травмы и «общества травмы», ресурсного подхода, гендерной социологии. Методом стал историко-социологический анализ для реконструкции общественного договора в категориях «государство», «общество», «народ» в эпоху «великих революций» и женщин как социального ресурса. Ресурсный подход актив-

но разрабатывается в последние три десятилетия, применяется в западной теории коллективного действия Ч. Тилли (Тилли, 2019) и отечественными социологами (Социальное неравенство, 2006; Тихонова, 2021; Мозговая, 2023). В условиях нестабильной внешней среды, социальных изменений ресурсный подход, усиленный историко-социологическим анализом, позволяет увидеть действенность адаптационных механизмов в соотношениях равных или неравных возможностей социальных общностей по признаку пола (Мозговая, 2020). «Истории жизни» на основе биографического анализа активных участниц в жизни общества и/или отдельных ее сфер в начале XX в. (Арманд, 1975; Гиппиус, 1917–1919; Гинсбург, 2021; Коллонтай, 2004; Рейснер, 1924 и др.), их дневников, писем, мемуаров, фотодокументы исторического периода позволяют выходить на «более широкие обобщения» (Знанецкий, 1989; Рождественская, 2012), познавать глубинные стремления, интересы, ориентации, характерные для мировоззрения женщин из разных социальных слоев. Ставится задача показать женщин как социальный ресурс в человеческом измерении в условиях нивелирования традиционной системы разделения труда, их новых возможностей как трудового и военного ресурса в первые годы Советской власти, новых форм занятости в городах, выхода из приватной сферы в публичную, получения политических прав, доступа к образованию и роста женской грамотности. Эмпирической базой для выявления количественных и качественных социо-демографических характеристик в гендерном аспекте стали данные статистики<sup>1</sup>, решения властей<sup>2</sup>, имеющие отношение к теме в изучаемый период. Великая российская революция наполнена социальными потрясениями «травмирующего шока» (Фрейд, 1919), потерей государственности и ее воспроизводства, стала «культурной травмой» (Штомпка, 2001), порождением модальности «общества травмы» с характерными взаимоисключающими ориентациями и установками (Тощенко, 2020), сопровождается «трансформациями восприятия исторического времени» (Волков, 2022).

### **Основные положения и результаты**

#### **Социо-демографическое состояние России: гендерные аспекты**

Россия начала XX века представляется чаще всего как страна с консервативно-патриархальными отношениями, авторитарным самодержавным режимом, господствующей аграрной экономикой, но с динамичным развитием капитализма, с высоким уровнем рождаемости, превосходящим показатели европейских стран, и одновременно высокой младенческой и детской смер-

---

<sup>1</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. – СПб., 1905. – Т. I. – С. III; Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. / Госкомстат России. – М., 1998. – 222 с.; Население России в XX веке: Ист. очерки: [В 3 т.]. – М., 2000. – Т. 1: 1900–1939. – 459 с.

<sup>2</sup> Декреты Советской власти. – М., 1959. – Т. 2.



ностью. Демографическая картина, согласно Первой всероссийской переписи населения 1897 года, выглядела следующим образом: из 125,7 млн человек мужчины составляли 62,5 млн (49,7 %), женщины – 63,2 млн (50,3 %), из них 86,6 % проживало в сельской местности и 13,4 % – в городах (Первая всеобщая перепись, 1905), то есть по половой социальной структуре Россия представляла собой общество с мягкой гендерной асимметрией (табл. 1). Воспроизведение объективной демографической картины затруднено тем, что в годы Первой мировой войны была расстроена система учета населения, поэтому данные о численности и сокращении численности населения разнятся. «Людские потери страны в 1916–1921 гг. колеблются в пределах от 12 млн до 18,6 млн человек» (Жиромская, 1996. С. 9), в 1914–1917 гг. до 11 млн человек (Морозов, 2014. С. 13). Если «среди лиц 1894–1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составляло 1:2», то среди лиц 1899–1903 гг. рождения – уже 1:2,3» (Жиромская, 1996. С. 9). Безвозвратные людские потери закономерно коснулись мужчин больше, поскольку под мобилизацию «Первой мировой» попали 16 млн чел., 40 % из них в возрасте от 20 до 50 лет (Морозов, 2014. С. 11). Людские потери нарушили соотношение полов, согласно данным переписи населения, проведенной в 1926 году, «разница между мужским и женским полом составила 3,36 %, или 4,94 млн человек в пользу женщин» (Жиромская, 1996. С. 6), что предопределило проблему жесткой гендерной асимметрии (47 % мужчин и 53 % женщин) (табл. 1).

**Таблица 1**

*Социально-демографические показатели населения России  
в гендерном измерении (соотношение женщин и мужчин)*

| Год               | Население,<br>млн чел. |       | Доля в<br>населении,<br>в % |    | Женщин<br>на 1000<br>мужчин | Доля<br>грамотных,<br>% |      | Ожидаемая<br>продолжитель-<br>ность жизни |      |
|-------------------|------------------------|-------|-----------------------------|----|-----------------------------|-------------------------|------|-------------------------------------------|------|
|                   | м                      | ж     | м                           | ж  |                             | м                       | ж    | м                                         | ж    |
| 1897 <sup>1</sup> | 32 102                 | 33876 | 49                          | 51 | 1055                        | 44,4                    | 15,4 | 31,4                                      | 33,4 |
| 1926              | 43 973                 | 48708 | 47                          | 53 | 1108                        | 77,1                    | 46,4 | 33,7                                      | 37,9 |
| 1937              | 49 841                 | 55091 | 47                          | 53 | 1105                        | -                       | -    | -                                         | -    |
| 1939 <sup>2</sup> | 51 101                 | 57276 | 47                          | 53 | 1121                        | 96,0                    | 83,9 | 35,7                                      | 41,9 |
| 1940              | 51 856                 | 58242 | 47                          | 53 | 1123                        | -                       | -    | -                                         | -    |

Источник: Статистические данные.

<sup>1</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройниченко. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. – СПб., 1905. – Т. I. – С. III.

<sup>2</sup> Количественный гендерный диспаритет в составе населения не был ликвидирован и в предвоенные 30-е годы XX века, сохраняется в жесткой гендерной асимметрии в современной ситуации.

Таким образом, последствия войны, революции, сопровождающих их голода, эпидемий деформировали возрастную-половую структуру населения, породили «демографические ямы» (Жиромская, 1996. С. 142), но не только. Демографы пишут, что все названные факторы разрушали семейные связи, способствовали стихии новых брачных союзов, более массовой практике абортот как способа внутрисемейного контроля рождаемости, фиктивных браков с иностранцами и военнопленными для возможной эмиграции (Морозов, 2014. С. 14). В 1917 году ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 20,5 лет (Морозов, 2014. С. 11–12), нарушилась динамика брачности из-за наивысшего гендерного перекаса в сторону женщин детородного возраста. По мнению Г. Г. Силласте, пропорции соотношения полов определяют гендерную тектонику и «демографический мобилизм», что качественно влияет на гендерный порядок (Силласте, 2019. С. 3–4). Закономерно, что советское государство не могло не учитывать интересы более устойчивого социального большинства – женщин, как трудового ресурса и ресурса, напрямую способного к воспроизводству населения. Социальная нагрузка перераспределения гендерных ролей ложилась на женские плечи.

Под воздействием урбанизации, роста промышленности усиливается приток женщин в города с целью получения заработка, активно происходит их интеграция в публичное пространство. В исследуемый период тенденция изменения соотношения численности сельского и городского населения нарастает, со следующей динамикой: в 1897 году соотношение город/село 14,7 % и 85,3 %, в 1926 году – 17,7 % и 82,3 %, но скачок происходит лишь к концу 30-х гг. – город/село 33,5 % и 66,5 %. В 1927 г. женщины составляли уже 27 % от всех работающих в промышленности (Толкунова, 1967. С. 71–72), многие из них пришли в общественное производство впервые, занимаясь неквалифицированным, зачастую тяжелым физическим трудом.

Фактор повышения образования, доступного для полов в равной мере, повышает социальную мобильность и ресурсность социальных общностей. По данным переписи 1897 года в стране грамотных мужчин было 44,4 %, женщин – 15,4 % (табл. 1). В 1926 году доля грамотных уже составляла 77,1 % среди мужчин и 46,4 % среди женщин. Динамика: мужчины – 32,7 п.п., женщины – 31 п.п. Рост образованности был выше в городе, однако впечатляют темпы роста «деревенской» грамотности. В 1926 году в городе грамотность составляла 85 % (91,9 % мужчины, 78,4 % женщины), на селе 55,0 % (73,3 % мужчины и 38,8 % женщины). Справедливости ради уточним, что грамотными при переписях населения считались лица, умеющие читать и писать или только читать, но лозунг «учиться, учиться и учиться», механизмы идеологического воздействия не только в части классового подхода, но и о возможностях силы рационального познания и переустройства на его основе жизни вдохновляли. Этика труда более образованного человека стимулировала и да-



вала шансы тем, кто «приспособил себя ко времени» (Гинсбург, 2020), стал «классом трудящихся», востребованным как трудовой ресурс или производственная единица.

### **Женщины как социальная сила момента революционной ситуации и конфронтации**

В 1917 году П. Сорокин в своих дневниковых записях писал о том, что «революцию начали голодные женщины и дети, требовавшие хлеба. Они начали с крушения трамвайных вагонов и погрома мелких магазинчиков. И только позже, вместе с рабочими и политиками, они стали стремиться к тому, чтобы разрушить мощное здание русского самодержавия» (Цит. по: Стайтс, 2003. С. 301). Показательным примером проявления женщин, как социальной силы момента революционной ситуации и конфронтации, стали исторические события масштабной «тысячной процессии» – манифестации 19 марта 1917 года. О высоком уровне организации записала в своем дневнике поэтесса и философ Зинаида Гиппиус: «Сначала шли “женщины”. Несметное количество; шествие невиданное (никогда в истории, думаю). Три, очень красиво, ехали на конях. Вера Фигнер<sup>1</sup> – в открытом автомобиле. Женская и цепь вокруг. На углу образовался затор, ибо шли по Потемкинской войска. Женщины кричали войскам – “ура”» (Гиппиус, Дневники). Присутствие большинства женщин в описываемом событии запечатлено также в сохранившихся фотоматериалах тех лет. Женщины, вышедшие на манифестацию в марте 1917 году, стали «олицетворением женщин вообще, таких, которые шли маршем к Версалию во время Французской революции» (Стайтс, 2003. С. 301) и скорее социальной силой момента революционной ситуации, а не проявлением сознания политического. Обратим внимание и на конкретный исторический случай, свидетельствующий о различиях умонастроений феминисток, как выразительниц прямого политического интереса для женщин в получении избирательных прав, и простых женщин на улицах революционного Петрограда 1917 года. А. В. Тыркова<sup>2</sup> в своих воспоминаниях писала

---

<sup>1</sup> Фигнер Вера Ивановна (1852–1942) – член Исполнительного комитета «Народной воли», позднее эсерка, но вышла из партии после разоблачения Е. Ф. Азефа и последующего разочарования в терроре. После Февральской революции – председатель Комитета помощи освобожденным каторжанам и ссыльным, член кадетской партии, кандидат от нее в Учредительное собрание. Октябрьскую революцию не приняла, была верна своим «правонародническим» взглядам, но осталась жить в России. В 1926 году специальным постановлением Совета Народных Комиссаров В. Н. Фигнер в числе восьми других «участников царевубийства 1 марта 1881 года» была назначена персональная пожизненная пенсия. Потомственная дворянка.

<sup>2</sup> Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962) – деятель русской дореволюционной либеральной оппозиции, член ЦК Конституционно-демократической партии, писательница и критик. Автор одной из наиболее полных биографий А. С. Пушкина, над которой работала в течение 30 лет. Родилась в старинной новгородской помещицкой семье, ее предок А. Д. Тырков был соучеником Пушкина по Царскосельскому лицей. Скончалась в США.

о безразличной реакции женщин, стоявших в очереди за хлебом, на пылкую речь подошедшей к ним феминистки: «Мы, русские феминистки, собираемся воспользоваться нашими правами!». Оживленная реакция возникла только на слова солдата, стоявшего с ними и спросившего: «Что, я теперь и бабу свою не могу ударить?». «Нет, теперь никто не имеет права!», – отвечали ему из толпы (Стайтс, 2003. С. 301). Очевидно, что определяющее действие на активное поведение массовых слоев женщин имели экономические причины, голод, война. Продемонстрированная грандиозная дистанция между притязаниями на уровне закрепления избирательных прав и реальной болевой потребности массовых слоев женщин в ненасилии говорит красноречиво, что «партия прав» и «партия их применения» совсем не одно и то же (Дарендорф, 2002. С. 25), что налицо «структурные опции (ограниченные возможности действия), унаследованные в результате ранних фаз процессов» (Штомпка, 2001. С. 6–7). Право увеличивает количество шансов, это своего рода входной билет, которым можно и не воспользоваться. Современница революции З. Гиппиус выразила этот парадокс такими словами: «Женщинам, чтобы равными быть – нужно равными становиться... процесс будет долог. Долго еще женщины, получив “права”, не будут понимать, какие они с ними получили “обязанности”»<sup>1</sup>.

### **Образ новой женщины: сексуальная революция, социальный оптимизм и сила созидания**

«Приспособить себя ко времени» в гендерных отношениях означало для женщин не потерять себя в условиях сексуальной революции, как составного процесса революции социальной. П. Сорокин в своей работе «Американская сексуальная революция» (1957) констатирует, что «на российскую землю сексуальная революция приходит в XX веке второй раз», «впервые в начале XX века, еще до революционных переворотов, найдя свое выражение в росте сексуальной свободы и распушенности после октября (1917 года)». Он пишет об идеологическом признании и государственной поддержке сексуальной революции «в виде чрезвычайной свободы и легкости заключения браков и оформления разводов, легализации аборт», «роста числа разводов, распадов семьи, увеличением бездетных семей, сексуализации культуры». И далее, «сексуальная революция меняет содержание таких важных фундаментальных институтов общества, как брак и семья, рождаемость и смертность, нравственные устои общества» (Сорокин, 1957. С. 14). В 20-е гг. американский писатель Т. Драйзер после посещения СССР сообщает: «Все были впечатлены качеством сексуального образования, доступного для молодежи. Брошюры, книги, лекции и фильмы открыто и честно рассказывали о беременности, контроле над рождаемостью, венерических заболеваниях

<sup>1</sup> Гиппиус З. Дневники, воспоминания. – URL: <http://gippius.com/doc/memory/chjornyetetradi.html> (дата обращения: 24.05.2024).

и перинатальной помощи» (Драйзер, 1932. С. 253–265). Позитивной оценке Драйзера противостоит мнение М. Хиндуса, обвинявшего большевистскую власть в том, что она насильственно «погружала молодежь в новую половую мораль», «сексуальную вседозволенность», когда нет «ни Бога, ни родителей, ни учителей, ни общественного мнения». Подобное поведение было характерно в основном среди «городской рабочей молодежи и студенчества» (Анисимова, 2015. С. 221–231). Политика в области сексуальных отношений и сексуального просвещения стала временем «свободы нравов», но в 1925 году получила осуждение на XIV съезде ВКП(б). Забегая вперед, отметим, что к концу 20-х гг. с наступлением относительной политической и экономической стабильности оформляется иной регулятор «партийно-государственная мораль подчинения личной жизни интересам классовой борьбы», а далее в 30-е гг. происходит «мощный откат к тенденциям консервативного регулирования сексуальных отношений» (Анисимова, 2015. С. 221–231).

В качестве идеологического образца не только формального закрепления гендерного равноправия в законе, но и обязанности уничтожения гендерных стереотипов и частной сферы, традиционной семьи, которая поработала женщину, делала ее заложницей домашнего хозяйства, стоит учесть воззрения А. Коллонтай и ее концепцию «новой женщины». «Новая женщина» должна была стать идеологическим эталоном эмансипации и женственности, для чего требовалось следование таким принципам: внутренняя дисциплина и борьба с эмоциями (женщина должна провести над собой воспитательную работу, чтобы отстаивать свои права, которых раньше не было); уважение своей и чужой свободы, соблюдение личных границ; требовательность к мужчине в вопросе бережного и уважительного отношения к женщине; самостоятельность женщины (связь с семьей дополняется личными увлечениями и интересами); отношение к любви как к одной из сфер жизни («новая женщина» должна относиться к любви как к одной из сфер своей жизни, а не как к целому миру) (Коллонтай, 1909, 1916; Шеленкова, 2021. С. 37–45). Новаторство Коллонтай было в постановке вопроса о «новом мужчине», от которого не требовалось быть добытчиком, потому что женщина теперь может сама обеспечить себя (Коллонтай, 1909, 1916).

В советской России образ «новой женщины» находит отражение среди жительниц крупных городов в 20-е годы в таком социальном явлении как «хлопушки»<sup>1</sup>. Это молодые городские женщины, которые носили короткие юбки и короткие волосы, слушали джаз и уверенно выходили за рамки правил хорошего поведения. Их считали «дерзкими из-за макияжа, употребления крепкого алкоголя и курения», традиционалисты обвиняли их «в эгоизме, легкомыслии и аморальности». Тем не менее «они стремились к образованию, интеллектуальной и финансовой самостоятельности, освоению мужских профессий, актив-

---

<sup>1</sup> От англ. *Flapper*, «тот, кто трепещет».

но занимались спортом и следили за здоровым телом» (Сидорчук, Ульянова, 2023. С. 437–439) «Хлопушки» показательны для процесса, который определен И. С. Коном как гендерное взаимопроникновение и ослабление гендерной поляризации (Кон, 2010), а следовательно, усиление неопределенности, аномальности традиционных половых ролей. Однако подобного рода социальные новации были скорее вкраплениями в традиционный жизненный мир и повседневность тяжелых времен, господства преимущественно ручного труда и огромной физической нагрузки для подавляющего большинства женщин, занятых в промышленности и сельском хозяйстве.

Революционные и военные времена стали серьезным и травмирующим испытанием для всех, независимо от пола, но для женщин, открытые возможности, жизненные шансы и риски были одновременно вызывающими и созидательными. Л. Гинсбург дает емкое определение мироощущения поколения 20-х гг.: «жизнь, распахнутая революцией» (Гинсбург, 2021), к которому принадлежала она и Н. П. Ламанова. Жизнь Ламановой, бывшей кутюрье императорской семьи и основателя советской женской моды, «русской Шанель», лишенной избирательных прав «как кустаря, имевшего двух наемных мастериц», олицетворяет настроение социального оптимизма и силу созидания того времени. Она вспоминала: «Революция изменила мое имущественное положение, но она не изменила моих жизненных идей, а дала возможность в несравненно более широких размерах проводить их в жизнь»<sup>1</sup>.

#### **«Женский вопрос»: от декларации к институциональному закреплению в решениях Советской власти**

В общественном договоре как политической теории значение актов принятия реальных исторических и правовых документов имеет важное значение, поскольку посредством их закрепляются общественно-договорные отношения. Однако в социологическом анализе исследование процессов установления как вертикальных (от государства к обществу), так и горизонтальных взаимодействий (внутри институтов, внутри общества) становится залогом более глубокого осознания у социальных общностей, включая гендерные, «латентных стремлений сотрудничать (не сотрудничать), поддержать (отвергать) официальные решения, предлагать собственные решения и находить то, что учитывала и как учитывала (или не учитывала) власть эти глубинные настроения» (Тощенко, 2023. С. 3).

Упразднение «всех существовавших доньше в России сословий и сословных делений граждан, сословных привилегий и ограничений, сословных организаций и учреждений, а равно и всех гражданских чинов», «всяких званий (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр., титулы – княжеские,

---

<sup>1</sup> Культура РФ. – URL: <https://www.culture.ru/materials/179352/nadezhda-lamanova-kutyure-imperatorskoi-semi> (дата обращения: 24.05.2024).

графские и пр.), «гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники)»<sup>1</sup> стало важнейшим решением и условием уравнивших всех и установивших всех как граждан нового государства. Возможности и шансы открывались для большинства, меньшинство (привилегированные сословия составляли около 1 % от всего населения) принимает вызов равенства по-разному, но имеет альтернативу выбора путем эмиграции. По данным Красного Креста на конец 1920 г. из страны эмигрировало около 2 млн человек<sup>2</sup>, от 20 до 40 % «белой эмиграции» составляли женщины. Цена «разрыва» с родиной была заплачена, часть из первой волны «белой эмиграции» вернулась (по данным из неофициальных источников около 300 тыс. человек), многих из них ждала участь репрессий и гонений<sup>3</sup>. Исследователи, описывая гендерную модель первых лет Советской власти, констатируют «открытое пассивное сопротивление со стороны интеллигенток (критически настроенных женщин, с законченным или незаконченным высшим образованием или средним образованием в размере гимназии, работавших преимущественно телефонистками, телеграфистками, служащими, учительницами и т. п.). Репрессии совершались, но с «небольшими сроками ссылки и заключения для женщин осужденных», были «лишёнки (слой женщин, лишенных права избирать и быть избранными в советы)» по классовому признаку (Мирошниченко, 2015. С. 35–42).

Советское государство начиналось с «диктатуры пролетариата», по факту как субъект общественного договора аккумулировало экономический и властный ресурсы. Легитимация общественного договора (ОД) проходила в русле государственной задачи «привлечь женское население в качестве союзника нового строя». В декабре 1917 г. ряд Декретов Совнаркома предоставил женщинам гражданские права и свободы, формально-юридически уравнив их с мужчинами. В 1918 году принцип равенства женщин и мужчин был закреплён в первой Конституции молодого государства, дававшей право женщинам избирать и быть избранными в Советы. Социалистический принцип закреплён в следующей формулировке: «равны в свободе от эксплуатации граждане обоего пола» (Завадская, 2001. С. 19). Легитимации общественной поддержки содействовали следующие одно за другим решения властей (декреты Совнаркома (СНК) о запрещении женского труда в ночное время, о восьмичасовом рабочем дне, о доступе женщинам к высшему образованию, о равной оплате труда мужчин и женщин, об упразднении религиозной регистрации браков и равных пра-

---

<sup>1</sup> Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, ноябрь 1917: Декреты Советской власти. – М., 1957. – С. 39–71.

<sup>2</sup> Большая Российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/text/5733358> (дата обращения: 24.05.2024).

<sup>3</sup> От Парижа до Бразилии: как 100 лет назад эмигрантки строили международную карьеру. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/505569-ot-pariza-do-brazilii-kak-100-let-nazad-emigrantki-stroili-mezdunarodnuu-kar-eru> (дата обращения: 24.05.2024).



вах женщин в семье. Советский эмансипаторный проект закреплялся в новом Кодексе законов о браке, семье и опеке, стало возможным расторжение брака в одностороннем порядке посредством почтового уведомления). Замужние женщины получили прежде отсутствовавшее у них право на свободу передвижения и не обязаны были жить со своими мужьями и всюду следовать за ними<sup>1</sup>. 22 апреля 1918 г. был принят декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству, в соответствии с которым определялось, что «гражданки обучаются, по их согласию, на общих основаниях»<sup>2</sup>. По требованиям военного времени привлечение женщин к воинской службе стало вполне обычным явлением. Таким образом, женщины получили доступ к обучению в различных военно-учебных заведениях, хотя многие военные специальности женщинам пришлось осваивать прямо на поле боя. Возможно, это сыграло определенную роль и в дальнейшей гендерной композиции 30–40-х гг. XX века. 18 ноября 1920 г. наркоматом юстиции и здравоохранения РСФСР принимается постановление «Об охране здоровья женщин», впервые в мире легализовавшее аборт по медицинским и социальным показаниям<sup>3</sup>. Одна из английских исследовательниц оценивает раннее советское законодательство как поистине революционное для своего времени» (Buckley, 1989). Черты «первой гендерной модели» исследуемого перевода таковы: «равные права с мужчинами (юридическое равноправие); гражданский брак как нормативный характер брака; охрана материнства и младенчества; вовлечение женщин в общественное производство; ведущая роль пролетарок и вовлечение крестьянок; быт в домах-коммунах; свобода аборта и широкая работа специальных комиссий, работа которых освещалась в печати; отношение к проституции как к социальной болезни и ведение борьбы с ней культурно-просветительными и социально-экономическими мерами» (Мирошниченко, 2015. С. 35–42).

Советский эмансипаторный проект стал новаторским революционным экспериментом, заложившим основы советского гендерного контракта. «Идеальной советской женщиной была та, которая должна была отработать в день две смены: в качестве работницы на производстве и жены-матери дома» (Пушкарёва, 2012. С. 14). Разрешение ролевого конфликта работающей женщины и ее материнских и семейных обязанностей, роли института семьи, как социального института, придающего устойчивость социума остаются на острие гендерных дискуссий. Семья, как институт социализации и домохозяйство, строится на основе всего комплекса и баланса гендерно-договорных отношений, подверглась кардинальной революционной культурно-идеологической трансформации, потребовала консервативного поворота в условиях осознания критической демографической ситуации в 1930-е гг.

---

<sup>1</sup> Декреты Советской власти. – М., 1959. – С. 151–153.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Прим.: запрещены в 1936 г.

### Обсуждение

Наша научно-исследовательская работа в рамках Проекта РНФ «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» заставила более глубоко осмыслить чрезвычайное значение произошедших в первой половине XX столетия социально-экономических, политических и идейно-культурных преобразований. «После победы большевиков советский народ отказался от религии в пользу атеистической коммунистической идеологии», породив «новую культурную традицию», «новый фрактал»<sup>1</sup> (Кашина, 2019). Опираясь на ресурсный подход (Милованова, 2022), мы полагаем, что модель советского гендерного контракта продолжает воспроизводиться, как основная, в современной национальной модели гендерного равноправия. Гендерный фрактал, произведенный в социальных изменениях первых десятилетий XX в., действует, поэтому «гендерные ресурсы расходуются российским государством расточительно, а не воспроизводятся расширенно» (Кашина, 2019. С. 17). Программируется механизм исторической памяти в части «наличия фиксированных образов прошлого: гендерных установок и принципов поведения, которые обрели свою социальную значимость у потомков и включены в стратегию индивидуальной и групповой деятельности в соответствующем обществе» (Овчарова, 2017. С. 104). Россия поколениями остается страной с резкой гендерной асимметрией в составе населения в пользу женщин (общество как субъект ОД феминизировано), а политическая гендерная асимметрия пролонгируется в пользу мужчин (маскулинность государства как субъект ОД). Столетие спустя публичный дискурс продолжает строиться вокруг «новой» женщины, но никак не «нового» мужчины, не разрешается ролевой конфликт работающей женщины и ее двойной нагрузки, хотя усугубляется проблема большей прекаризованности мужчин по сравнению с женщинами (Шевченко, 2019). К ограничениям исследования отнесем малое внимание к учету специфики гендерных национально-территориальных, религиозных проявлений в огромной «становящейся» стране Советов, структуре профессионально-отраслевой сферы занятости полов. Впрочем, прямой идеологической декларации обозначенной специфики со стороны государства как актора общественного договора (ОД) не выявлено, но она определенно вносила существенное разнообразие в формы, методы, подходы в реализации, например, национальной политики.

### Заключение

Великая российская революция, мировая и гражданская войны, безусловно, нарушают инерционность развития. В ходе Великой российской революции принципы динамики социальной структуры теории «социального становления» (Штомпка, 2005. С. 192): инерция – недопустимости радикальных

<sup>1</sup> Фрактал от лат. *fractus* – дробленный, сломанный, разбитый, создающий нерегулярные фрагменты, введен математиком Бенуа Мандельбротом в 1975 году.

поворотов; момента – за стадией изменений наступает следующая стадия; последовательности – фазы изменений не могут быть пропущены, в период «духа разрушения» общественного договора перестают действовать, трансформируются. Далее происходит «процесс преодоления системообразующих структур общества путем социально-политической конфронтации» (Шубин, 2017. С. 15). В ходе конфронтации происходит слом существующей системы институтов, легитимности, но потребность в «новой легитимной системе институтов» (Шубин, 2017. С. 15) завершает революционный период «духом созидания» и адаптации «общества», «народа», женщин как неотъемлемой и органичной их части.

Социальные общности (женщины и мужчины) в условиях легитимации систем институтов власти выступали социальным ресурсом проводимых революционных преобразований. Деформация возрастно-половой структуры как результат объективных революционных и военных потрясений первых двух десятилетий XX века вылилась в жесткую гендерную асимметрию состава населения в пользу женщин, сделав их социальным ресурсом, своего рода «социальным топливом», податливым материалом мобилизационной и вдохновляющей идеологической (ценностной) повестки «мировой пролетарской революции», строительства «нового общества» и создания «нового человека», «новой женщины». Внутренним побудителем социальной силы гендерной общности в годы революционного и военного лихолетья выступает потребность «выжить». Революционные преобразования открыли «окно возможностей» (получение образования, полноценное включение большинства в социально-экономические преобразования, выбор альтернативы для меньшинства). Наибольший потенциал реализован той частью гендерной общности, кто «приспособил себя ко времени», готов был стать «классом трудящихся», востребованным трудовым ресурсом нового советского государства. Определяющей для общественного договора в исследуемый период стала идеология классового подхода, но и созидательная ценностная ориентация, придание жизненного смысла устремлениям людей – работать для и ради будущего, не оставаться на обочине исторических перемен, предпочтение быть частью коллективных преобразований, ставить общественные интересы выше личных, превозмогать личные невзгоды. Сделавшие шаг навстречу «новой жизни» женщины принадлежали к разным классам и сословиям, имели широкую палитру идейно-политических взглядов, характерных для начала XX века, стали в революционной ситуации субъектами общественно-политических процессов, социальной силой, желающей освобождения и своих гражданских и политических прав. Женщины находили себе применение практически во всех сферах экономической, общественной жизни, покоряли науку, духовное и художественное творчество. Истории жизней, более глубокий биографический анализ помогли увидеть контур общественного

договора сквозь призму жизненного мира конкретных людей. Для одних это участие было осознанным, для других по необходимости, идеалы и провозглашенные высокие цели разбивались о твердыню прозы жизни, но круговорот «великой революции» кардинально менял социальный порядок в целом, гендерные роли, и женщинам важно было понять, принять (не принять) и занять свое место в нем.

Советская власть, партия большевиков не могли не учитывать объективных условий, подготовленную социальную почву эмансипации, состояние реального общественного сознания (мировоззрения) – потребности, мотивы, ценностные ориентации, интересы женщин, составлявших большинство населения страны. Носителем идеи гендерного равноправия стала прогрессистки настроенная часть женского населения городов и политического руководства Советской власти. В первые годы Советской власти состоялась инкорпорация политической декларации в социальное: институциональное закрепление в решениях властных органов. В итоге действия целого комплекса объективных и субъективных факторов Советская власть реализовала свой, советский проект эмансипации переподчинения женщин как социального ресурса государству, заложив основу для «советского гендерного контракта» с двойной нагрузкой «женщина-труженица, женщина-мать». Практическая значимость и перспективы исследования связаны с дальнейшим применением историко-социологической реконструкции социального измерения общественного договора о роли и участии женщин в органах власти, деятельности в общественных объединениях, отражения интересов женщин в многоголосье программ политических партий в период Великой российской революции, консервативного поворота от революционного эксперимента в условиях обострения демографической ситуации и декларации решения «женского вопроса» в сер. 30-х гг. Предметом дальнейших научных дискуссий и обсуждения остается проблематизация воспроизводства советского гендерного контракта как основного в современной национальной модели гендерного равноправия, поиск основы новой гендерной политики в интересах как женщин, так и мужчин.

#### Список источников

Анисимова Л. Ю. Зарубежная историография о гендерных отношениях в России в 20–30-е гг. XX в. / Л. Ю. Анисимова // Научный диалог. – 2015. – № 12 (48). – С. 221–231.

Бердяев Н. А. Философия свободы; Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – Москва, 1989. – 607 с.

Волков Ю. Г. Социокультурные травмы современного российского общества /

#### References

Anisimova L. Yu. Foreign historiography on gender relations in Russia in the 20s-30s. XX century. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2015; 12 (48): 221-231 (In Russ.).

Berdyayev N. A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. *Moscow*. 1989; 607 p. (In Russ.).

Volkov Yu. G. Sociocultural traumas of modern Russian society. *Sotsiologicheskiye*

Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 13–23.

Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л. Н. Завадская. – Москва, 2001. – 255 с.

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. (Жизнеописания знаменитых людей (ЖЗЛ) / Л. Я. Гинзбург. – Москва, 2020. – 736 с.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – Москва, 2002. – 288 с.

Драйзер Т. Что я увидел в Советской России? / Т. Драйзер // Глазами иностранцев 1917–1932. – Москва, 1932. – С. 253–265.

Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования / Ф. Знанецкий // Социологические исследования. – 1989. – № 1. – С. 106–109.

Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов / В. Б. Жиромский. – Москва, 1996. – 154 с.

Кашина М. А. Гендерный ресурс государственной политики и управления в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / М. А. Кашина. – Санкт-Петербург, 2018.

Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса / А. М. Коллонтай. Санкт-Петербург, 1909. – 431 с.

Коллонтай А. Общество и материнство / А. М. Коллонтай. – Петроград, 1916. – 20 с.

Коллонтай А. М. Летопись моей жизни / А. М. Коллонтай. – Москва, 2004. – С. 256.

Кон И. С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России / И. С. Кон. – Москва, 2010. – 606 с.

Милованова М. Ю. Гендерные ресурсы социальных изменений: к вопросу о методологии исследования / М. Ю. Милованова // Социология в постглобальном мире: материалы всероссийской научной конференции. – СПб., 2022. – С. 639–641.

Милованова М. Ю. Социальная политика: социологические аспекты изучения: учебное пособие / М. Ю. Милованова; Российский государственный гуманитарный университет. – Москва, 2023. – 198 с.

*issledovaniya = Sociological studies*. 2022; 3: 13–23 (In Russ.).

Gender examination of Russian legislation. Ed. L. N. Zavadsкая. Moscow. 2001; 255 p. (In Russ.).

Ginsburg L. Ya. Notebooks. Memories. Biographies of famous people. Moscow. 2020; 736 p. (In Russ.).

Dahrendorf R. Modern social conflict. Essay on the Politics of Freedom. Moscow. 2002; 288 p. (In Russ.).

Dreiser T. What did I see in Soviet Russia? Through the eyes of foreigners 1917–1932. Moscow. 1932; 253–265 (In Russ.).

Znanietski F. Memoirs as an object of research. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*. 1989; 1: 106–109 (In Russ.).

Zhiromskaya V. B. After the revolutionary storms: the population of Russia in the first half of the 20s. Moscow. 1996; 154 p. (In Russ.).

Kashina M. A. Gender resource of state policy and management in modern Russia: abstract. dis. ... Dr. Polit. Sci. St. Petersburg. 2018 (In Russ.).

Kollontai A. M. Social foundations of the women's issue. St. Petersburg. 1909; 431 p. (In Russ.).

Kollontai A. Society and motherhood. Petrograd. 1916; 20 p. (In Russ.).

Kollontai A. M. Chronicle of my life. Moscow. 2004; 256 p. (In Russ.).

Kon I. S. Strawberry on a birch tree: Sexual culture in Russia. Moscow. 2010; 606 p. (In Russ.).

Milovanova M. Yu. Gender resources of social changes: on the issue of research methodology. *Sotsiologiya v postglobal'nom mire: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg = Sociology in the post-global world: materials of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg*. 2022; 639–641 (In Russ.)

Milovanova M. Yu. Social policy: sociological aspects of study: textbook. *Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, Moskva = Russian State University for the Humanities, Moscow*. 2023. 198 p. (In Russ.).



Мирошниченко М. И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. / М. И. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 35–42.

Мозговая А. В. Адаптация женщин к социальным изменениям: ресурсный потенциал / А. В. Мозговая // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 2. – С. 47–59.

Мозговая А. В. Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе: автореф. дис... докт. соц. наук / А. В. Мозговая. – Москва, 2020.

Морозов С. Д. Мужчины и женщины России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения / С. Д. Морозов // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 3. – С. 10–20.

Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 5. – С. 3–17.

Пушкарева Н. Л. Гендерная система в России XX века и судьбы россиянок / Н. Л. Пушкарева // Новое литературное обозрение. – 2012. – Вып. 117. – № 5. – С. 8–24.

Рейснер Л. М. Фронт. 1918–1919 / Л. М. Рейснер. – Москва: Красная новь, 1924. – 130 с.

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии / Е. Ю. Рождественская. – Москва, 2012. – 380 с.

Сидорчук И. В. «Flapper», «die neue Frau» и советская «новая женщина» 1920-х годов: общее и особенное / И. В. Сидорчук // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. – Кострома, 2023. – С. 437–439.

Силласте Г. Г. Социальные трансции и формирование нового гендерного порядка / Г. Г. Силласте // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 3–16.

Сорокин П. А. Американская сексуальная революция / П. А. Сорокин. – Москва, 2006. – 147 с.

Miroshnichenko M. I. Contents of the first Soviet gender model in the 1920s. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2015; 15 (1): 35–42 (In Russ.).

Mozgovaya A. V. Adaptation of women to social changes: resource potential. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian society*. 2023; 2: 47–59 (In Russ.).

Mozgovaya A. V. Adaptation to the risks of transformation processes in Russian society: abstract. dis... doc.soc. Sci. *Moscow*. 2020 (In Russ.).

Morozov S. D. Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and population losses. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian society*. 2014; 3: 10–20 (In Russ.).

Pushkareva N. L. Russian woman in the family and society of the 10<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries: stages of history. *Etnograficheskoye obozreniye = Ethnographic Review*. 1994; 5: 3–17 (In Russ.).

Pushkareva N. L. The gender system in Russia of the 20<sup>th</sup> century and the fate of Russian women. *Novoye literaturnoye obozreniye = New literary review*. Vol. 117. 2012; 5: 8–24 (In Russ.).

Reisner L. M. Front. 1918–1919. *Moscow: Krasnaya Nov*. 1924; 130 p. (In Russ.).

Rozhdestvenskaya E. Yu. Biographical method in sociology. *Moscow*. 2012; 380 p. (In Russ.).

Sidorchuk I. V. “Flapper”, “die neue Frau” and the Soviet “new woman” of the 1920s: general and special. *Semeynoye, zhenskoye, povsednevnoye v istoriko-antropologicheskoye izmerenii: Materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZHI i IEA RAN, Kostroma = Family, feminine, everyday in the historical and anthropological dimension: Materials of the XVI International Scientific Conference of Russian Association of Women's History Researchers and Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Kostroma*. 2023; 437–439 (In Russ.).

Sillaste G. G. Social transitions and the formation of a new gender order. *Zhenshchina*

Стайтс Р. Феминистское движение и большевики: февральская и октябрьская революция 1917 г. / Р. Стайтс // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб., 2003.

Тилли Ч. От мобилизации к революции / Ч. Тили. – Москва, 2019. – 432 с.

Тихонова Н. Е. Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние и динамика в 2008–2020 гг. / Н. Е. Тихонова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 121–138.

Толкунова В. Н. Право женщин и его гарантии / В. Н. Толкунова. – Москва, 1967. – С. 71–72.

Тощенко Ж. Т. Социология жизни / Ж. Т. Тощенко. – Москва, 2016. – 399 с.

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией: (опыт теоретического и эмпирического анализа) / Ж. Т. Тощенко. – Москва, 2020. – 352 с.

Тощенко Ж. Т. Общественный договор, как ноумен: опыт социологического осмысления / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 3–14.

Шевченко И. О. Гендерные особенности прекарности / И. О. Шевченко, П. В. Шевченко // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 84–95.

Шеленкова А. И. История развития гендерного равноправия в России / А. И. Шеленкова // Наука. Общество. Государство. – 2021. – № 3 (35). С. 37–45.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка; пер. с польск. С. М. Червонной. – Москва, 2010. – 655 с.

Штомпка П. Социальное изменение как социальная травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 1–2. – С. 6–16.

Шубин А. В. Великая Российская революция. 10 вопросов / А. В. Шубин. – Москва, 2017. – 46 с.

Юкина И. И. История женщин России: женское движение и феминизм. 1850–1920-е гг. Материалы к библиографии / И. И. Юкина. – Санкт-Петербург, 2003.

*v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian society.* 2019; 2: 3–16 (In Russ.).

Sorokin P. A. American sexual revolution. Moscow. 2006; 147 p. (In Russ.).

Stites R. The feminist movement and the Bolsheviks: the February and October revolutions of 1917. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system = Gender reconstruction of political systems.* St. Petersburg. 2003; 301 p. (In Russ.).

Tilly Ch. From mobilization to revolution. Moscow. 2019. 432 p. (In Russ.).

Tikhonova N. E. Resource availability of mass segments of the country's population: state and dynamics in 2008–2020. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes.* 2021; 4: 121–138 (In Russ.).

Tolkunova V. N. Women's right and its guarantees. Moscow. 1967; 71–72 (In Russ.).

Toshchenko Zh. T. Sociology of life. Moscow. 2016; 399 p. (In Russ.).

Toshchenko Zh. T. Society of trauma: between evolution and revolution: (experience of theoretical and empirical analysis). Moscow. 2020; 352 p. (In Russ.).

Toshchenko Zh. T. Social contract as a noumenon: experience of sociological comprehension. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies.* 2023; 6: 3–14 (In Russ.).

Shevchenko I. O., Shevchenko P. V. Gender characteristics of precarity. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies.* 2019; 9: 84–95 (In Russ.).

Shelenkova A. I. History of the development of gender equality in Russia. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State.* 2021; 3(35): 37–45 (In Russ.).

Shtompka P. Sociology. Analysis of modern society: Trans. from Polish by C. M. Chervonnaya. Moscow. 2010; 655 p. (In Russ.).

Sztompka P. Social change as social trauma. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies.* 2001; 1–2: 6–16 (In Russ.).

Shubin A. V. The Great Russian Revolution. 10 questions. Moscow. 2017; 46 p. (In Russ.).

Yukina I. I. History of women in Russia: women's movement and feminism. 1850–1920s

*Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union / M. Buckley. – Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1989.

*Kashina M. A.* Fractality of gender relations and the use of gender resource of the public policy and administration in modern Russia / M. A. Kashina, L. A. Vasilenko // Woman in Russian Society. – 2019. – No. 2. – P. 17-31. DOI 10.21064/WinRS.2019.2.2.

*Hirdman H.* The Gender System / H. Hirdman // Moving on. Ed. by Andreassen et al. – Aarhus: Aarhus University Press, 1991. – P. 187–207.

Materials for bibliography. St. Petersburg. 2003 (In Russ.).

*Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. – Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press. 1989.

*Kashina M. A., Vasilenko L. A.* Fractality of gender relations and the use of gender resource of the public policy and administration in modern Russia. *Woman in Russian Society*. 2019; 2: 17-31. DOI 10.21064/WinRS.2019.2.2.

*Hirdman H.* The Gender System. Ed. by Andreassen et al. *Aarhus: Aarhus University Press*. 1991; 187-207.

**Для цитирования:** Милованова М. Ю. Женщины как социальный ресурс общественного договора в период Великой российской революции: историко-социологический анализ // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 3 (67). – С. 35–55. DOI 10.18522/2227-8656.2024.3.3 EDN DPJACU

**История статьи:**

Поступила в редакцию – 05.06.2024

Одобрена после рецензирования –  
13.06.2024

Принята к публикации – 14.06.2024

**Сведения об авторе**

**Милованова Марина Юрьевна**

Кандидат исторических наук, доцент  
кафедры политической социологии  
и социальных технологий Российского  
государственного гуманитарного  
университета

SPIN-код: 2379-8503

Author ID of the RSCI: 383579

*m\_milovanova@mail.ru*

**Information about author**

**Marina Yu. Milovanova**

Candidate of Historical Sciences, Assistant  
Professor of the Department of Political  
Sociology and Social Technologies,  
Russian State University for the Humanities  
WoS. ResearcherId: AEO-4299-2022  
Scopus Author ID: 57215696690  
*m\_milovanova@mail.ru*